

– Какая красота! – воскликнула Клавдия, распахнув окно зала и бросив взгляд поверх крыш за картинно-яркий перекресток. Вместе с речкой, змейкой извивающейся между островками леса, полями и пастбищами, долина простиралась в туманную даль. Менялись оттенки зелени на квадратах угодий, но все они сливались в размашистый простор и манящую перспективу. По небесной голубизне малыми айсбергами уплывали редкие облака, а утреннее солнце уже настойчиво нагнетало сладкое тепло уюта над городом и полями. Сливающиеся кроны платанов, кленов и каштанов вырисовывали контуры улиц и перекрестков одноэтажного города.

Мир утренней свежести, понятный и приятный, поддерживал в душе Клавдии праздник, праздник от огромного переворота в жизни. Они с Макаром вселились в благоустроенную квартиру. В квартиру в центре города. Это свершилось после четырехлетних ожиданий, вопреки тьме искушений ускорить новоселье и приткнуться где-нибудь на глухой окраине. Они выстояли, они дождались. Даже не верилось, что это уже не мечта, а быль. Что так будет всегда. Наконец-то у них снова всё под рукой. Им больше не нужны тряские и тесные городские автобусы с давкой очереди при них. Не будет больше и пустых часов ожиданий. Жизнь сделалась проще, спокойнее, удобней и радостней. Даже дешевле.

– Всего делов-то, – рассуждал довольный Макар, муж Клавдии, мелковатый, но плотный человек лет пятидесяти с хвостиком. – К порогу подъезда скатился и вот тебе всё что душе угодно: и магазины, и рынок, и работа, и власти со всякой бумажной заботой.

Хотя Макар звезд с неба не снимал, он был человеком трезвым и уверенным и повторял за поэтом: «Жить нужно легче, Жить нужно проще...». Так он и действовал и в радости, и в горе. Потому-то Евтеевым легко удавалось быстро уравновесить все заботы и приобретения. Клавдия отличалась сговорчивостью, сообразительностью и добротой. Не было в её натуре жадности ко всевозможным нескончаемым приобретениям, чем грешили и поныне грешат многие. Нет, она довольствовалась тем, что давно нажила. Потому-то получение квартиры оказалось предметом желаний. Они будто на паром счастья взошли и у ворот рая причалили. И за плечами навсегда оставили тяжелый рубеж с обещаниями, ожиданиями, сомнениями и искушениями через новый вариант (вариант ускорения) лишиться ненаглядного места в центре. Строительство могло и вовсе провалиться. И вышло бы так, что они напрасно бегали к знакомым смотреть типовую планировку квартир, и на своей стройке следили чуть ли не за каждым рядом кладки и напрасно с горечью пережевывали слухи о возможных срывах в благополучном завершении проекта. И вот все сошлось на лучшем. Слегка смutilи сущие пустышки. На полы паркета не достали, вместо новых газовых печей подключали старые, унитазаы оказались без крышек, на бетон вместо паркета

ДВП прибили, поверх которого какой-то подозрительно пушистый линолеум настлали и предупредили, что его (из-за непрактичности), лучше выбросить, вторым слоем ДВП заменив. Потом еще за свой счет ниши да кладовки оборудовали. Так это ж только в радость тем, у кого мужик в семье. А у Макара еще и жена строитель. Значит, удовольствие двойное: каждый по своей части отличился.

Так что не сразу и не вдруг комфортная жизнь обратала. Зато свершилось долгожданное: снова в рабочие дни дома обедать стали, а после работы не колоутились в пути домой, а сразу отдыхали.

И Клавдия чуть ли не каждое утро распахивала окно и любовалась долиной, вживаясь в красивую даль. И кипел этот восторг много лет, пока не обнаружили, что и в самой простой жизни таятся подводные камни. К примеру, Евтеев взял за правило на скорости взлетать на свой пятый этаж: он резво взбегал по ступенькам лестницы и мигом оказывался в квартире. Но однажды этот азарт утратил и поменял на отяжелевшие шаги. Клавдия была моложе и за жизнь свою много тренировалась в пешеходных походах на высоту. Так вот и её лестничные марши достали. Однажды добралась она до порога квартиры при участии соседей.

– Принимай, Макар, свою ударницу. Перестаралась она нынче: на третьем завалилась, – торжественно доложила бой-баба с этажа третьего. Обычно молчаливая особа в белом обиняком втолковывать пыталась серьёзность случившегося. Макар смекнул о повороте недобром в здоровье жены и заключил: «Что-то менять надо в нашем раю... Лифт нам никто не подарит... И подняться на наше место с низу тоже желающих не сыскать... Все считают, что жить под полом надежнее, чем под голой крышей... Как мы сейчас (с пустым карманом), то один путь – в деревню».

И принялся он исподволь Клавдию к переменам готовить.

– Нам бы на хутор, на воздух вольный. А то автобусы под домом совсем закоптили. И в ушах шум от вечного грохота, – мечтательно бросил он. – Все равно уже не работаем. Доходов поубавилось, а расходы напротив – свирепеют. Накоплений нас переворот лишил... Случись хоронить кого – большая проблема. А живи мы на хуторе, то – при крайней нужде – и на огороде закопать можно. И до такой нищеты нас строители капитализма довести смогут... Сдуру как с дуба... Надо на хутор перебираться, пока силы есть. Надо... И легко, как бы развлечения ради, в ближний знакомый хутор смотался.

– А что, – доложил он Клавдии. – Расселились они там совсем не тесно. Проредил капитализм улицы основательно. От одного жилого подворья до другого иногда и до полусотни метров насчитать можно. Брошенные хаты, как после мора, перспективу угнетают. Очень пунктирные улицы. Выбор немалый... Можно, конечно, где-то и под бок к соседу приткнуться, чтоб чуток повеселей было...

– А денег-то наших на такую роскошь не маловато? – подхватила идею Клавдия. – В городе домик на земле в три раза дороже квартиры на этаже той же площади...

– Да я прикинул. Должно сойтись. На хуторе наоборот: домик будет в три раза дешевле. Потому что непременно в ремонте нуждается. Брошенное, оно

вмиг рассыпается и ветшает. Думаю, что выкрутимся... Опять же экономия появится. Услуги подешевеют. К примеру, за канализацию не платить: ее там нет. И за горячую воду тоже: не предлагают, потому что не греют. Да и холодная чаще в колодце, чем в кране. Вот и остается одно – электричество. Так и оно на хуторе дешевле: по другому тарифу берут. Вроде как с нищих.

С таким обнадеживающими соображениями и собрались – перебрались. Клавдия последний раз через распахнутое окно вдаль глянула и надежно заперла. Макар тем временем ниши проверил, не забыл ли чего. А еще в своей бывшей конторе адрес оставил.

И понёс их со скарбом грузовик на простор, в поле. Там и посеял в конце пути на краю клина пшеницы, с одной стороны, и хутора – с другой. Правда, под бок к соседу, под общим забором. Выглянувший сосед переселенцам обрадовался. Ну, так чего желать ещё при таком скромном раскладе?

Ни на что, правда, теперь сверху не глянешь: все вроде как бы выше тебя. И сам домик – сельское жильё, и деревья, и даже сорная трава окрест...

Улица односторонняя, накатанной дорогой подпоясана. За дорогой никому торчать не положено, кроме как ухоженному полю. Ближнему. А дальше ещё поля, отрезанные от этого лесозащитными полосами. Вот и всё разнообразие перед фасадом. Да и оглядывать-то некогда: работа зовёт.

Домик хоть и весело высотой выделяется, стены имеет ободранные и крышу худую, дырявую. Вроде как на пустыре осели. Как в сказке: избушка на курьих ножках. Только дремучего леса не хватает.

Вот соседу уютно живётся. На посторонний взгляд, так у него всё в исправности. Крыша не течет (новым голубоватым шифером улыбается), стены не просвечивают (орнаментом крашенных квадратов завлекают), навес новый просторный, козою и курами обжит. Времянка кирпичная (тоже новая) амбаром служит, появления помощников-наследников дожидаясь.

Сам сосед – старик настоящий, древний и слабый, выглядит таким маленьким монументом в темном облачении. Да, Евтеев в такую роль ещё очень издавна заглядывает. Евтеев не стоит и не сидит часами наблюдателем. Нет, он еще резво спешить-бежать срывается, будто кого-то догнать хочет. Потому и могло показаться, что если из этих двоих кому-то мир удивить случится, то именно Евтеев и отличится.

Ан жизнь противное обнаружила.

Однажды Евтеевых дома не было, а надо было у них на дворе беду отвести. Собака с цепи сорвалась и ну утей месить. Так Калиныч (так звали соседа), не раздумывая, на соседский двор вломился и сторожа грозного – крупную черную дворнягу – стежком остудил. Та псина, молодая и бестолковая, утку облапила, задушить и порвать пыталась. Так Калиныч нисколько не усомнился в том, что у соседа происходящее его касается. Нет, он тотчас малыми силами кинулся безопасный порядок восстанавливать и задал собаке такой урок, что с тех самых пор та (будь сытой или голодной) и глянуть вожаделенно на доверчивых уток не смела. Сами же утки у неё под боком от крыс спасались. Потом Калиныч и другими вмешательствами прославился. Научит он горожанина Евтеева и косу отбивать, и пилу точить. А самое главное, он подарил ему секрет,

как без корыта, цементный раствор приготовить, то есть заводить его прямо на ровном, твердом пяточке двора. А из жизни Калиныч ушел неожиданно, на болезни не пожаловавшись. Прибыло из города с десятков дебелих и степенных родственников и не торопко, со знанием дела, его в последний путь и проводили. На сельское кладбище (по другую сторону хутора) свезли на бортовой машине. Тихим ходом, как полагается. Так Макар и узнал дорогу на кладбище. И удивился, что оно лучше ухожено, чем улицы хутора.

И утратил Евтеев ощутимую опору. Зыбкость его положения потом от частой смены жильцов проистекала. Сам он вроде оставался вечным, а соседи менялись как солдаты на посту.

Повезло только с первым сменщиком Калиныча. То был свежий пенсионер с Севера. Человек приветливый, статью внушительный. Как колобок круглый. Такого можно было вылепить разве что из четырех Калинычей. Был он доброжелательным, но строгим и на хуторе не чужим: на родину век доживать вернул.

Евтеев сразу смекнул, что новый сосед – человек не бедный, в жизни опытный и надежный. И Евтеевы такой перемене обрадовались. Макар так и выдал Клавдии: «В случае чего, он и похоронить меня поможет. Кредит тебе выдаст. А ты следом продашь лишнее и долг вернёшь».

Клавдия, конечно, тут же насчёт очередности заспорила, но призадумалась. И так обернулось, что вскоре они свой проект как бы на деле испытали. Одна их знакомая с родной улицы пунктирной (из молодых) за кредитом к ним обратилась. На хорошее дело, на возведение просторной постройки к тесному дому. Знакомая подумала, что у Евтеевых, людей трезвых и добрых, должна быть записка на черный день. Но Евтеевы пояснили, что все деньги на ремонт ушли.

– А вот ты к соседу нашему обратись, – посоветовала Клавдия.

И бойкая миловидная брюнетка совета послушалась. Не сомневалась, что богатый кредитор перед ее обаянием не устоит. А тот устоял. Упёрся.

– Я тебя не знаю, – трезво отрубил он. – Без поручителя не рискну. Давай поручителя.

Брюнетка к Клавдии, а та, по природе женщина решительная и азартная – завелась: стать поручителем согласилась. И сосед немалый кредит брюнетке выдал. Все произошло, как говорится, под горячую руку. Быстро. Ну а когда азарт у сторон поостыл, они в сомнения ударились.

– При нестабильности повальной, – рассуждал Макар, – попасть впросак – раз плюнуть... И похоже, что мы увязли...

– А ничего, – обнадежила Клавдия. – Дом-то у неё есть...

Однако заёмщице крепко повезло: новый муж от неё не сбежал, а напротив, сумел заработать. Ну и кредит был погашен.

Евтеевы порадовались тому, как собственному достижению. Рискованный акт с поручительством репутацию им не подмочил, и их тайный похоронный план не угробил. Им вроде бы как и дышать стало легче.

Сам же сосед жил хлопотами по благоустройству. И видно было, что крестьянскую жизнь он любил. За первое лето – до прибытия хозяйки – наспех хату подремонтировал. Самую малость благоустроил: душевую оборудовал да

на кухне все обновил. И еще: новый тёплый туалет построил. Деньги не экономил, но с наёмников качество требовал. Ох и намучился он с хуторскими мастерами. Этих умельцев то и дело в противоположную сторону заносило. Еле удержался, чтоб не прогнать бестолковых. Да где других-то взять?!

Одолев такие сложности, он – Фомич – будто со двора вырвался и на камыши набросился. Те от речки в сторону улицы огород теснили. И Фомич не мог такой произвол стерпеть, принялся со всем усердием этот наезд природы отбивать. На скорую победу надеялся. Однако бой затянулся надолго. И в роскошных зарослях наш Фомич так увяз, что о подворье будто забыл напрочь. А ведь мечтал – планировал (на новоселье признался) и баню поставить немедленно, и заборы обновить, и ещё очень многое подладить.

Итак, время летело, а Фомич неторопко в бессмысленных мелких огородных предприятиях путался. На видные и важные ремонты двора только материал заготовил. В капитальном строительстве лишь у соседей отличился. Евтееву против фасада его подновлённого кирпичной облицовкой домика забор железный проварил да одинокой соседке вместе с Евтеевым колодец отремонтировали. Колодец тот для округи объект – стратегический. Водопровод на каждом дворе дюймовым гусаком обозначен, но перебои в подаче воды округу замучили. Вот и выходит, что до конца дней своих Фомич о прорехах, что вокруг дома скалились, не вспомнил. Не успел. Забор на задах сгнил – рассыпался, труба водопроводная прохудилась и баня запланированная не появилась. Он про городскую баню не забывал: каждое воскресенье туда мотался. И это был единственный праздник, какой он в пенсионной жизни сберёг.

– Конечно, – смекал Евтеев, – многовато работы в одни руки зачерпнул. Жена болеет. Даже на кухне подсобить не может. Заполучить помощников со стороны непросто. Тем, даже безработным, состоять на службе у такого же селянина непривычно. В том какое-то унижение мерещится. Привыкли трудиться, хоть даром, но у государства. В новых отношениях (работай у того, кто платит) им неминуемый обман чудится. И работнички (самые завалыщие) таких работодателей дурить наладились. Свободные от всех на свете нагрузок алкаши в лукавых обещаниях упражняются, авансы вымогая. Заполучив же таковые, отрабатывать не торопятся (да и не планируют). У них от одной мысли о таком уговоре и долге будто ноги подламываются. И они делают вид, что обстоятельства мешают: то голова будто раскалывается, то безудержный понос на бок валит.

По этой причине безработные очень редко помогали Фомичу камышовые корни выбирать, и то не все должники скопом. Так, один-два человека. Каждый день умывался потом лишь он сам. Ну и дело черепашьими шагами подвигалось. Словом, поудивлял Евтеева Фомич четыре года (жену годом раньше похоронил) да и при многолюдном сопровождении в мир иной и отъехал. Помянули знатно. Щедро и многолюдно. Но при этом хорошие надежды на помощь соседа (в крайнем случае) рухнули. И где теперь искать поддержку, он не знал.

Постепенно Евтеев окончательно убедился, что городская жизнь для него теперь отрезанная даль. К привычным заботам отвлёкся. Да и как тут было не переключить внимание, когда под боком (на соседском дворе) революция со-

вершалась. Вместо озабоченных хозяев бесчувственное племя квартирантов налупилось. И не в наименовании поносном дело, а в губительном отношении этого народа к миру живых трудяг. Среди скромным трудом честно промышляющих они навроде мёртвых: у них ни о каком подспорье на усадьбе душа не болит. Да они и существуют, завтрашнего дня не касаясь. Завтрашнего своего! О соседском они просто не подозревают, что он будет, и что при удаче у соседа и им какое-то тепло-участие перепадёт. Нет у них в помине привычки о ком-то заботиться. Нет и самого главного – тяги ко всё укрепляющему, всё возрождающему и освежающему каждодневному труду.

И воспринимались Евтеевым эти человеки наподобие серых бревнышек, торчмя в сыром воздухе плывущих.

Много этой породы человекоподобных за первый сиротский год после смерти Фомича промелькнуло. Евтеев и рассмотреть-то не всех успел: по своей занятости и по их бесконтактности. Опять же, исчезнуть торопились, как голый в баню в морозный день. А чего уж так спешили, непонятно. Жильём на дурняка, на халяву пользовались: никакой, даже копеечной аренды с них не брали. Наследница, дочь Фомича, смысл заселения в том видела, что будет обеспечена гарантия на случай варварского вторжения, что не разнесут, не разломают надворные постройки хулиганы и охотники до чужого добра. Такими и родная улица, и соседние кишмя кишели. Как в мор, как при конце света.

А Евтеев надеялся, что при дарованных льготах квартиранты на себя труд возьмут и за полным порядком на усадьбе проследят. Ведь на то никаких сверхъестественных затрат не требуется. Не торопясь, между зевками от скуки, заборы подправить-подлатать, во дворе подмести-подчистить и тем себя же от шныряющих хулиганов и собак бездомных оградить. Так не тут-то было. Ни палец об палец. Ни о каких выгодах, удобствах и долгах они не догадываются. Будто их всю жизнь и во всех местах бесплатно лелеяли.

Однажды в этом противостоянии здравому смыслу даже анекдот сочинился. Молодая пара борщ сварила и остудить на дворовый стол выставила. Ну, к нему и подлетел воробьём Серёга, пацан тринадцатилетний, что через два двора без отцовского присмотра науку жизни постигает, жизни новейшей, доселе невиданной, смекалки требующей и проворства необыкновенного. Так вот. Стыбрить ничего не подвернулось, и Серёга на борще сосредоточился. Клевать-пробовать не стал: он просто тот борщ выплеснул и с пустой кастрюлей на зады да берегом речки в пункт сдачи металлолома весело попрыгал.

По поводу утраты борща ленивые постояльцы ругнулись, конечно, из-за утраты же самой кастрюли не опечалились: кастрюля-то хозяйкина. Ну и искать не стали. Подумаешь, пятьсот рублей! В век-то сплошных миллионщиков.

– И надо же так отупеть! – подивился Евтеев.

Вскоре и до него дерзкое хулиганство дотянулось: поилка исчезла. За сараями, вдоль забора межевого, Евтеев базок устроил. Там, в глухом углу, утка на яйцах сидела. При утке и держал он воду в знатной поилке. Похоже, прежние хозяева подворья её на молочной ферме «прихватизировали» (кто-то – ферму, а они – эту ценную вещь!) – массивная, тяжелая, чугунная. Ни кура, ни утка не опрокинет. А в жару это ой как важно. Без воды не остаться.

Убедившись, что крысы утку с гнезда не согнали, Евтеев о другое нарушение споткнулся: у гнезда воды не было, поилка исчезла. Но это ж предмет внушительный! Это не какой-нибудь черепок, который кура запросто загрести может... Окинул придирчивым взглядом всю засарайную территорию и на перевёрнутый ящик уставился. Ящик тяжёлый, из дубовых досок. Сам по себе такой ящик на проход не выдвинется и никакая птица в том ему поспособствовать не в силах. Значит, кто-то рылся... Вот он-то и волок поилку!.. А проник не с огорода и не со двора птичьего. Там собака могла припутать и вцепиться. Стало быть, всё было проще: вор с низкого соседского сарайчика на его, Евтеева, новый высокий забор по некрутой крыше сполз.

И тут Евтеев вспомнил: когда он калитку прикрывал, в магазин, за хлебом поспешая, Серёгина фигура на соседский двор метнулась... И зацепка стоящей оказалась.

Евтеев дождался возврата Серёгиной матери с работы, на разбитом тротуаре у своего двора приветил и, версию свою излагая, за нею, за Оксаной Верховой, стройной красивой женщиной, увязался. Та ж, его наговором оскорблённая, убегала, но старик в живописных лохмотьях не отставал. С тротуара он и во двор к ней зашагнул. А там куча лома красуется. Евтеев самоуправно к той куче кинулся и в мгновение ока свою поилку выудил. Ту самую, массивную, чугунную, ржаво-тёмную, хорошо постоянным употреблением промытую.

О своём открытии Евтеев беспечных постояльцев известил. В краже поилки и их вина косвенно проглядывала (с их двора и сарая хулиган к Евтееву проник). С другой стороны, они ведь пострадавшими в истории с борщом числились. Вот тогда-то нерадивые соседи на пункт приёма металлолома и сбегали. Хорошо, что Серёга не изувечил кастрюлю. Нет, он, напротив, её хвалил, доказывая, что доставленная им посуда для варки годится и что выбраковали её по случаю полного обновления посуды в доме. В связи с новым, более высоким статусом семьи.

Любителей остуженного борща расторопная пара сменила. Эти удальцы на ходу спали, а хорошие планы в уме держали. И не только держали, но и шаги к их воплощению делали. Они здравой акцией свою бедность осадили. Чтоб зимой не голодать, цыплят да утят прикупили. А надо признать, что было то для них очень сложным делом... И не только по немалым первым затратам. Работали они не по месту жительства. И работали порознь, в разных хуторах. На доходные места попали, дорожили ими, а потому менять не собирались. Каждая из разрозненных позиций их бытия имела свои преимущества. Здесь жильё бесплатное, хата на бойком перекрёстке и в хуторе крепком. Там – заработки приличные. Всё СС положительным итогом суммировалось. Общим знаменателем было переживание лиха и вера в завтрашний день. И был у них ещё сынишка. Не только предмет их забот-расходов, но и какой-никакой помощник. Ведь школьник уже. Ему-то и поручили поить, кормить и от крыс приобретённую живность спасать. Не очень прилежно, но малец поручение исполнял. Конечно, часто и густо его дурная привычка подводила: любил он то в дальнем конце улицы, то на пляже болтаться. А однажды удосужился на пару дней и на море укатить с друзьями. Без спросу, без предупреждения. Так Евтееву не только уди-

виться, но и вмешаться пришлось. Чтоб юная недешёвая живность от жары и голода не погибла.

Потому-то Евтеев взял за правило о делах соседских справляться. При каждой возможности с мальчонкой, названным Иваном, беседовал. Обычно его бег перед своим двором притормаживал. И как-то в выходной день поинтересовался: «Мать дома?»

– Не. Дома отец.

– И чем занимается?

– Телевизор включил.

Евтеев онемел от неожиданности. «Ничего себе! – подумал он. – Заняться больше и разу нечем! Клён, как удав, над хатою навис, того и гляди обломится и кровлю раскрошит. Ни по фасаду, ни от огорода забора не осталось, а ему руки приложить не к чему. Он скучает! В ящик тарашится!»

А напомнить надо: Фомич на эти ремонтные работы материалы заготовил: и рейки, и доски, и шифер плоский, и столбы асбестовые, вечные. Растащить ни родственники, ни воры не успели. Сомневались: уж очень дорогое всё и приметное. Не спрячешь, незаметно не сплывишь.

«Конечно, – взвешивал ситуацию неугомонный Евтеев, – и клён грозящий, и заборы павшие – существа бессловесные. Не могут они матом на подвиг двинуть...».

А тут ещё лучше: водопроводная труба угрожающе зашипела: из неё тугими фонтанчиками принялась вода вырываться. И в самом неудобном месте очаг бедствия наметился – вблизи сохранившейся калитки, на самом бойком проходе. Вода по переднему двору уверенно растекалась, наполняя все ближние канавки и низинки.

«Ну, теперь уж деваться некуда. Оккупация нешуточная», – размечтался Евтеев, за бетонированием дорожек корячась.

Однако напрасно он в перемены к лучшему поверил. Постоялец канавку в его, Евтеева, сторону повёл (от хаты саманной прочь) ко времянке кирпичной. Вроде и разумно: на хате саманной облицовка тонкая и местами облупилась, особенно к земле ближе, а отмостка от стен давно отошла и в земле затонула. Хате и слабого подтопления не выдержать... Однако, приглядевшись, Евтеев смекнул: при наметившемся раскладе соседская вода ему передний двор затопит и в болото его превратит. Соседский-то двор на холмике, а его собственный – в низинке.

И на другой же день на обезлюдевшем дворе начал Евтеев умеренное течение воды вдоль времянки в сторону огорода направлять (параллельно межевой ограде). И вода подчинилась ему: миновала благополучно и погрееу его, и двор птичий. Для того и торил он глубокую канаву.

Об аварии дал он знать родственникам, а уж те хозяйке. И та через пару дней объявилась, обстановку оценила трезво. На все починки вознаграждение назначила: за раскряжовку клёна – тысячу рублей, за замену трубы – три тысячи и так далее.

Случись такие солидные предложения лет пять назад, Евтеев, не раздумывая, сам бы за пилу и лопату взялся. «Щедрая оплата, льготные условия (работа,

считай, на дому), – перебирал он редкие удобства. – Время назначай себе сам... Ни далеко идти, ни ехать не надо». Но удалец-постоялец крепкий и ловкий хозяюку выслушал без энтузиазма и на её вознаграждение посягнуть не решился. Значит, не платить аренду за жильё – удобно, а помочь хозяйке – слишком большой убыток.

И вода продолжала журчать, а клен молча угрожал крыше. И Серёга по двору, как по улице, носился. И утята с цыплятами со своих базков за всем равнодушно наблюдали, пока однажды не даровали им хозяева свободу: убрали заслонки. И тогда птенцы, будто сговорившись, на зады подворья устремились.

Лес из полутораметровой амброзии им не приглянулся, и они принялись у Евтеевых на огурцах да помидорах пастись. Евтеев же, нашествие вредителей обнаружив, три дня на соседку охотился, чтоб на непорядок ей указать и безобразию пресечь. Не желал он перенимать криминальный опыт. Один старичок на родной улице решал подобные проблемы просто: отрывал нарушителю своих пределов голову и возвращал нерадивому хозяину тушку. Через забор молча забрасывал.

Евтеев же, подловив соседку, объяснил ей ситуацию без скандала, надеясь легко взаимопонимания достичь, будучи уверен, что беда от неведения происходит. Однако та в ответ новостью огорошила: «Потерпите, через две недели съедем. Хагу присмотрели. Купим». Худая, бледная, измученная сложностями походной жизни, она не могла не вызвать сочувствия. И Евтеев за соседскую удачу порадовался. Хорошая новость потрясла его своей неожиданностью. Оглушённый, он торопливо восвосяи убрался. И только часом позже снова обеспокоился: «А что ж после двух недель эта саранча нам на грядках оставит?» Но соседка уже укатила. И он потом опять три дня обговорить с ней меры рвался. Свиделись. Он дельное предложение выдал: отрезать шиферными плитами живодёрам выход на огород. Но на этот раз от него отмахнулись молча. А съехала эта семья аж через два месяца. Остались Евтеевы и без огурцов, и без помидоров.

Новых постояльцев двор три дня дождался. И вселились они как-то незаметно. Тайно будто. Были тоже молодыми, но уже не жилистыми и стройными, а рыхлыми, бездетными и безработными. Да ещё и буйными. Их, как тут же выяснилось, милиция от матери-свекрови отселила. Они её, свою спасительницу-кормилицу, по пьяни жестоко обмолотили. И не в первый раз, а в очередной. Тем не менее Евтеев сразу надеждами воспылал.

«Ну, этим, похоже, спешить-бежать некуда, – прикинул он, – они точно благоустройству себя посвятят».

Он на себя их положение примерил. Жил он как-то в молодости пару лет на съёмной квартире, на второй половине от хозяйки. Так муторными выходными, без занятий скучая, он и пол в общем коридоре перестлал, и огород поливал, и забор починил, и даже туалет на новое место перенес. И совершил эти акты без просьб хозяйки (по своим догадкам) и бесплатно. Эти же только квартиру портили бесплатно. Да, именно портили, коли не ремонтировали. Полы и стены обдирали (без злого умысла, конечно), потому что без этого жизни не бывает. Потому обдирать не запретишь, но к восстановлению принуждать надо. А эти

не то что мелких ссадин да выбоин не считали, они кричащих капитальных ремонтов в упор не видели. Напрасно Евтеев насчёт этого любопытствовал. «Нет, – в конце концов рукой махнул. – Дерьмо, а не люди».

И вот однажды у занятого двора Евтеев высокую старушку задержал и разговорить попытался. Знакомой оказалась.

– А ты, Пантелеевна, кого высматриваешь? – прилип он с нескромным вопросом.

– Да тут сына с невесткой к вам подселили, – призналась та простодушно, ёжась в своём хорошо проношенном сером плаще под стать и седине, и бледности измождённого лица. Была она по годам Евтееву ровесницей, а по мытарствам сподвижницей. Познакомился Евтеев с нею через жену. Та её в дом приводела в те времена, когда ещё к арендаторам на заработки бросалась.

– Как они тут? Не скажешь?...

– Скажу! Обязательно скажу! Не потаю... Ничего хорошего не сделали. И думаю, что это очень плохо, что они дураков ищут вместо того, чтобы честно трудиться... Где-то на второй неделе здешнего блаженства, сунулся он было ко мне с бутылкой недопитой. Как я догадался, продолжить за мой счёт веселье возмечтал. Дескать, накапаю этому старому идиоту сто граммов, и он потом, ошастливленный, до конца дней меня будет поить обязан. А я его шуганул с ходу. Обмыть пока нечего, пускай поработает сначала...

– Да что он тебе сделал?

– Он себе ничего не делает. Непонятно, какие победы обмывает. Бревно б из-под ног убрал, чтоб не запинаться. Так ведь лень. И лень злая. Других, то бишь работающих, за дураков держит. Умник выискался. В его положении начинать бы не с бутылки, а с пилы да лопаты. Тогда и нужда отпадёт лезть к соседу и доказывать, какой ты хороший, неправедным судом обиженный.

– Как же разогнался, чуть штаны не потерял! Ещё тот лодарик! Не отнять!

– Лодырь – не то слово. Фашист! Потому как разрушитель и дармоед!... Он в твоей хате жил?

– А то как же! Замучилась... Не отнять!

– Вот-вот! И помнится мне, ты тогда водопровод чинила?!

– Две тысячи мастер заломил. Всю пенсию...

– Вот именно! Подвернулся тебе мастер по околачиванию. Отсюда у ремонта сказочная стоимость. Тройную гарантию себе твой мастер заломил. Дескать, дырявую трубу откопаю, а там неизвестно что. Вдруг чёрт с рогами... А тут же закопать нельзя и сбежать тоже. Один выход – воевать...

– Так и запугивал! Не отнять!

– И в то самое время сынок твой над чем надрывался?.. Бутылку откупоривал! Так?

– Пил и меня ругал – гонял! Не отнять!

– Вон как здорово! А мог бы и полегче... Мог бы ту трубу и сам откопать да чертей разогнать, рану резиной перебинтовать да и присыпать. Такому молодцу и день делать нечего. Безо всякой запарки... На сей счёт у нас теперь социальной службы нет, и стандартов не придерживаются. Вода на ответвлениях не отключается: вентили вышли из строя, сломались или заржавели насмерть.

И потому посухо воду из траншеи не уберешь, трубу не заменишь, потому как новую в воде не приваришь. Вот мастера – знатоки допотопной технологии – не варят, а латают. За вознаграждение сказочное. Будто невозможное вершат и делают надёжней некуда. Говорят, и риск простудиться подстерегает. Это при сорокаградусной жаре нашего лета.

– Так и говорил. Не отнять!... А сам два дня до обеда покопался, обмыл за мой счёт и без всяких чертей управился. Бессовестный...

– Мог бы и на неделю растянуть. Фантастика в другом!.. На тот знатный ремонт сынок твой деньги давал?

– Какие деньги? Он не помнит, когда свои деньги в руках держал. На мои всю дорогу опохмеляется.

– Вот! Всё сходится! Фашист и даромоед!

– Так нынче деньги в руки не даются!

– Ему не даются: он к ним руки не тянет. В его тридцать! Но почему они тебе – в твои семьдесят – даются?... Вот ты как заведённая носишься, нанимаешься и батрачишь. Тебе вроде и нельзя иначе. Тебе деваться некуда! А ему есть! К тебе на шею да за твой стол!

– Твоя правда! Не отнять!

– Да я и не философствую, на небо глядя. Я по факту иду. Ждал я, что он на даровой квартире развернётся. Ему ведь давно работу не дают, а он её так ждёт и мучается. Теперь, думаю, воспрянет при открывшейся перспективе и завидную благодарность хозяйке слепит! И клён спилит, и трубу откопает, и заборы поставит. За все эти подвиги хозяйка приличную плату назначила. Можно, с подворья не отлучаясь, тысяч семь заработать.

– Как же, как же! Сейчас он тебе разогнался! Нашёл ударника! Вот если б самогон лакать да кулаки чесать – другое дело. Тут он спец! Не отнять!

– И что же это получается? – опечалился Евтеев. – Замкнулся молодец уже некуда: стол да кровать. Другие соблазны – отрезанная даль. И это в начале пути!

На том и разбежались. Пантелеевна на свой край хутора приурезала, а Евтеев в сторону своего домика поплёлся. И тут на него Верховая, дальняя соседка, чуть не наскочила. С Серёгой летела. И не с пустыми руками – с тазиком алюминевым. Заворожил Евтеева тот тазок, старик как пристыл к тротуару: «Не иначе Серёга уже и свой борщ выплеснул?! Чтоб в капитализм вписаться! Чтоб черметовское жульё поддержать!...»

Верховая пристального взгляда мелкого старика не выдержала и доложила: «Вот. Успела. Остолоп мой на лом отпер»...

– Ну, он же сверху треснутый, – не согласился с аттестацией Серёга. – Пора новый купить.

– На какие шиши? – возмутилась мать пуще прежнего. – Свилярню ликвидировали. Безработная я. Так что теперь нам и надтреснутый лучше, чем никакого.

– Дела, – вздохнул Евтеев. – Всё сломать торопятся. Не дадут и мне умереть своей смертью.

К вечеру погода испортилась, будто рассердилась на безобразия челове-

ские. И по погоде в соседском доме ругань взорвалась. Распахнувшаяся дверь кухни её чётче озвучила, а потом и вовсе на улицу выплеснула. Это Пантелеевна уносила ноги, а сынок за нею с дрынком поспешал. Хорошо, что поспешал неуверенно. Перебрал спиртного. Пантелеевна будто из пулемёта строчила, преследователю через плечо поносные слова бросая: «Лодырь отпетый! Фашист проклятый! Дармоед бессовестный! Не отнять!». Простор переулка быстро развёл их. Брань поутихла, а потом и вовсе погасла. Пантелеевна скорость сбавила, дорогу спрямила, в безопасности дыхание перевода. Сынок тоже из сил выбился и на дорожное ограждение присел. Скандал закончился.

А ночью ураган случился. Толстые кленовые ответвления расщепило и ими по шиферной кровле ухнуло, по коньку крышу разворотило, и дождевая вода щедро потолок промыла. По трещинам вода грязевым дождём все комнаты накрыла. Заметались постояльцы в поисках сухого места и нашли его только на кухне, которая в пристройке, под автономной крышей. В недоумении и страхе дождались они рассвета, а с ним и спада в разгуле стихии. И, как зайцы, наутёк с подворья рванули.

– Довыпендривались, мудаки, – зло заключил Евтеев, обследуя свои благополучные дворы и сараи, обломанные ветки яблони, груши и ореха собирая. – Доумничались. Никто им не указ. Наглости много, а трезвого ума нету... Теперь Фомичёву подворью – без свидетелей живых – беспредел угрожает. Теперь туда и самых заваливающих лодырей не запихнёшь. Быть безнадзорному двору разграбленным. Вот незадача-то... Хоть не помирай...

После размышлений коротких Евтеев купил ружьё и себя на должность сторожа определил. Ночного. Может, потому за два года значимых вторжений и не случилось. Тем не менее соседское подворье зримо продолжало ветшать. Домику оперативно восстановили кровлю, но внутреннего ремонта не последовало. Правда, жизнь потихоньку стала меняться: округа как-то успокоилась. То ли растаскивать было уже нечего, то ли «ночные промысловики» на другую сторону отвлеклись. Потом и настоящий порядок обозначился, когда под боком новостройку организовали и неприкаянные парни и девчата туда отхлынули.

Евтеев всё ещё молодцом держался: по-прежнему длинные жаркие дни в нескончаемых трудах проводил. И жену хвори отпустили. Усадьба была благоустроена. Главное удалось. Стены турлучного домика в красную кирпичную облицовку одели, чтоб не белить, не мазать, сгнившее на крыше железо шифером заменили. И домик гляделся как новый. Забор из железных пластин давал ему хорошую опору. И по переднему двору, и по птичьему легли дорожки бетонные, высокие и широкие, от грязи дождевой оградившие. А самое главное – газ провели и водопровод аж на кухню заманили.

– Ну, заключил Макар, – должен я для себя гроб заготовить. Но это не самое сложное дело. Успею.

И не успел. Неожиданное случилось вскоре. Клавдия мужа к завтраку не дождалась, но помнила, что с подворья тот не отлучался. И странным ей показалось, что и на повторное приглашение он не отозвался. Чаше он на птичьем дворе находил заделёе, но за высокой шиферной оградой с переднего двора рассмотреть что-либо было невозможно. Вот она звала-звала наудачу да и на

поиски отправилась. И в засараинном тупике и наткнулась. Сидел он на земле, к стене на спину откинувшись.

– Макарушка! Эт ты чего тут расселся? – справилась она шутливо, подумав, что мужа сон сморил. А он молчит, лица не поворачивает. В плечо толкнула – повалился. Тогда-то и прояснилось: готов... к дому тащить надо.

Отыскала, пододвинула низкую платформочку, на которой Макар мешки с цементом по усадьбе перевозил, и скантовала на неё обмякшее тело, да и уволокла с птичьего двора на передний.

Осенний день, он чем хорош? Не донимает ни жарой, ни холодом. И Клавдия легко выбор сделала: решила поместить покойника под стеной дома, здесь и все приготовления к погребению произвести. Превозмогая рыдания, порядок дальнейших действий обдумала. Поняла, что без посторонней помощи не обойтись и к Верховой заторопилась. Застала Оксану дома. Та помочь согласилась. И тут же вспомнила, что наступивший день – субботний. «Так, может и Ваничкины родители дома?» – о бывших соседях подумала. И тут удачно сложилось: хозяйина застала. Сидел он у телевизора, который тут же выключил и заинтересованно выслушал. Бывшую соседку он раза два мельком видел, но от Вани много раз слышал, что та угощала его то пирогами, то конфетами, то яблоками, когда Ваня на положении полубеспризорного жил. Клавдия же бывшего соседа помнила и перемену отметила: показался он ей степенней, серьезней. А был он суетливым и тощим пареньком, как и его приветливая жена. Такая тоже моторная и общительная. Так вот теперь бывший сосед вроде не спешил.

По поводу печальной вести молодой человек посочувствовал и принялся уяснять положение Клавдии и свои возможности.

– Значит, так. Мужиков дебелих на нашем краю нету, а потому тяжёлые хлопоты беру на себя, – заключил он. – Я не один: мне друг подсобит. У него тоже выходной. Позвоню – подскочит. И куда надо сбегает, и гроб сколотит. Доски найдём. У нас и грузовик под рукой. Два километра до кладбища – не преграда. Одолеем запросто. На огороде хоронить не станем. Вовремя всё сделаем, потом разберёмся. Денег займём.

– Ну, вот, – вслух подумала Клавдия. – Мир не без добрых людей. А Макар так переживал: всё ли при нашей нищете – по-людски получится. Похоже, выкрутимся. Не все совесть потеряли.

Её одутловатое серое лицо посветлело, а плечи расправились. Она взбодрилась, будто от всех тяжестей освободилась, все трудные задачки свои решила.

Пантелеевна, о смерти Макара прослышав, поддержать Клавдию прибежала. Да не одна, а с подругой и пару мужиков в помощь привела. Словом, похороны по всем правилам прошли. И не бедно даже. И о будущем горевать и отчаиваться причин не было. А секрет в том, что городскую квартиру Евтеевы не продали, а в аренду сдали. Солидные квартиранты и помогли Клавдии кредитом. И Макарово распоряжение «лишнее продашь» означало продажу домика на хуторе. Выходит, Макар обхитрил своих разорителей, бездумных строителей капитализма, что под американскую дудку плясали и подводили страну к упадку.